

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

А.С.Запесоцкий, А.В.Карпов

Просветитель — ярчайшая общественная ипостась академика Д.С.Лихачева. Он был убежден в том, что наука и культура должны стать органичной частью жизни общества, определяя сознание, служа гуманистическим идеалам. Его труды проникнуты верой в существование особой миссии российской интеллигенции. Вместе с тем в его деятельности прослеживается приверженность идеям и принципам европейского Просвещения.

Д.С.Лихачев, по существу, предвосхитил просветительство зарождающейся эпохи глобальной культуры. Он синтезировал блок научных оснований, объединяющий разные в плане исторического контекста идеи, и новый тип методик, интегрирующих европейский рационализм и яркую нравственную ориентацию отечественных радетелей образования.

Библиография трудов Д.С.Лихачева поражает интенсивностью их публикации и масштабностью проблематики. Здесь и сугубо исследовательские работы, и научно-популярные статьи, и очерки, выступления, интервью. Всюду утверждается значимость, непреходящая ценность древнерусского культурного наследия, отстаивается необходимость сохранения памятников истории и архитектуры, развития "малых городов", ведется проповедь добра [1].

О просветительской работе Д.С.Лихачева немало писали коллеги ученого по Пушкинскому Дому. Например, ее фактология была затронута в материале С.О.Шмидта "Д.С.Лихачев и практика

сохранения историко-культурного наследия России". Эта публикация, как и другие многочисленные заметки мемуарного характера, могут послужить материалом для научного осмысления [2, с. 10–25; с. 23–27].

Как известно, термин "*просвещение*" в современном русском языке может означать два разных понятия: вид человеческой деятельности (просветительство) и конкретную эпоху европейской истории (Просвещение). *Просветительство* было свойственно различным эпохам. Основное его назначение, главная функция — распространение опыта и знаний. О нем говорят, характеризуя культурно-познавательную и научно-образовательную активность государственных структур, общественных движений и групп, отдельных личностей.

Различают просветительство научно-популярное и духовно-нравственного характера. Первое представляет собой передачу знаний о достижениях науки и техники, о сущности философско-мировоззренческих учений, адаптированных к тому, что принято называть "средним уровнем образованности" человека и т.д. Целью второго является духовное преобразование личности сообразно определенному нравственному идеалу.

Просвещение (XVIII в.) характеризуется рядом особенностей: энциклопедизмом, антропоцентризмом, антиметафизичностью, "общечеловечностью" и т.д. Общим местом сегодня стало его понимание как рационалистического типа культуры, в основе которого утверждение определяющей роли человеческого разума, противо-

поставленного религиозному культу. Как историческая эпоха оно отличается критическим отношением к действительности, стремлением к переустройству, совершенствованию мира.

Наука, знание, образование в эту эпоху ценились лишь постольку, поскольку они в конечном счете оказывались полезны. Исходной и главной аксиологической установкой этого времени становится антропоцентризм, а важнейшей составной частью просветительской доктрины — антропология — учение о человеке. Философия приобретает антиметафизичность и практическую направленность, будучи неразрывно связанной с политикой, юриспруденцией, практикой общественной жизни. Фундаментальные категории идеологии — свобода и равенство [4]. Деятели Просвещения намеревались "открыть человечеству дорогу к лучшему будущему, построить разумное общество на основах добра и справедливости", однако им суждено было сыграть несколько иную роль в истории культуры, ибо "чем логичней стремились быть писатели и философы, тем иррациональней становилась жизнь, творчество, теории" [5, с. 5].

Состоялась ли эпоха Просвещения в России и наследовал ли ей Дмитрий Лихачев? Исследователь В.Ф.Пустарнаков отвечает на этот вопрос положительно и, говоря о времени русского Просвещения, указывает на период 1840–1860-х гг., наиболее точно соответствующий классической французской модели. С долей условности можно сказать, что предыстория русского Просвещения началась на рубеже XVII–XVIII вв. Тогда в России появились первые буржуазные идеи в духе ренессансно-гуманистических концепций общественной мысли Франции (естественного права, общественного договора, просвещенного абсолютизма) и классической философской рационалистической метафизики XVII в. В данном контексте интересна также вторая половина XVIII в., когда в Россию стали проникать

сочинения и идеи классиков западноевропейского Просвещения — Локка, Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Руссо, "оказавших в той или иной степени влияние на все основные течения тогдашней русской мысли вплоть до официальной идеологии самодержавия (Екатерина II)" [4, с. 143–144].

Наиболее ярким деятелем отечественного Просвещения считается А.И.Герцен. Преодолев изначальную двойственность своих устремлений к "дневному свету" разума и к "лунному свету мистического откровения" [цит. по: 4, с. 201], т.е. противоречие рационалистически-просветительского и религиозно-романтического начал, Герцен переходит в конце 1830-х гг. на "западнические" позиции, а точнее, — на позиции Просвещения. Типичный для Просвещения лозунг: "Да здравствует разум!", установка на то, чтобы все понять, все осмыслить "через горнило сознания", стали основой его деятельности. Особенно отчетливо соответствующие воззрения А.И.Герцена проявились в его трактовках таких проблем, как: великое единство развития рода человеческого; Восток—Азия—Запад, Европа—Россия; личность как вершина исторического мира, разумный эгоизм. В эти годы Герцен активно использует типичную для Просвещения терминологию: "естественное"—"неестественное", "искусственное" и т.д.

Существенно ранее западноориентированного российского просветительства, а затем одновременно с ним развивается сугубо отечественная традиция, связанная прежде всего с проповеднической деятельностью. Первым в ряду деятелей этого направления следует назвать преподобного Сергия Радонежского. Д.С.Лихачев отмечал: «"Горнего града гражданин и вышнего Иерусалима житель" Сергей Радонежский постоянно вмешивается в политическую жизнь Руси. Сергей пользуется своим нравственным авторитетом для поддержки московского великого князя. По одному его слову, что-

бы оказать давление на нижегородцев, затворяют все церкви в Нижнем Новгороде. Он подчиняет политике Москвы Рязанское княжество. Он благословляет Дмитрия Донского на борьбу с Ордой за независимость Руси» [6, с. 101].

Сергий Радонежский — крупная духовная фигура отечественной истории. Именно игумену Радонежскому принадлежит утверждение на Руси новой идеи личности, отражающей гуманистический дух русского Предвозрождения, — которое было столь непохоже на западное, хотя во многом с ним и перекликалось. *Главный смысл этой новой идеи личности заключался в обожествлении человека и мира — в возвышении человека, в признании его духовного величия.* Так воплотилась глубокая вера в неиссякаемые возможности человека, выраженная в стилистике мышления того времени. Духовная деятельность Сергия Радонежского сформировала целую эпоху отечественной культуры. Известный русский философ Г.П.Федотов писал: «От мистики до политики огромный шаг, но преп. Сергий сделал его, как сделал шаг от отшельничества к общежитию, отдавая свое духовное благо для братьев своих, для русской земли... Преп. Сергий... представляется нам гармоническим выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов ее: мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и киновит совместились в его благодатной полноте» [7, с. 151–152]. В лице Сергия российская культура получила *тип просветителя-проповедника духовного служения*, основу которого составили идеи любви к ближнему, милосердия, терпимости, мирскости и соборности, уважения к светской и религиозной власти и т.п.

Другим примером русского просветителя-проповедника можно назвать митрополита Антония Сурожского — одного из замечательных мыслителей современности. Будучи экзархом Московского Патриарха для Западной Европы, он являлся

совершенно русским человеком по интересам и стилю мышления. Его труды объединены темой духовного бытия человека, его веры и призвания. Рассматривая философско-нравственные проблемы жизни и творчества, размышляя о наиболее сложных вопросах духовности в наше время, этот церковный деятель привнес в постиндустриальную эпоху новое, свежее миропонимание, широтой своей объемлющее множество аспектов современной жизни и приводящее их к гармонии. Не имея богословского образования, он стал одним из наиболее авторитетных православных мыслителей мира, почетным доктором двух университетов и двух православных духовных академий [8].

Отечественная история свидетельствует, что русских просветителей объединяли прежде всего энциклопедическая образованность, стремление создать целостный образ современного им мира, наиболее просто и ясно обрисовать своей аудитории открывающиеся перед человеком пути возвращения в себе Человеческого начала, пути к свету знания. Подобная миссия не могла быть реализована на основе узкопрофессионального знания. Она требовала синтетичности, обращения ко многим областям знаний, объединяемого одной центральной идеей.

Отечественное просветительство — это просветительство, прежде всего экзистенциальное, человеческое. Оно предполагает доверительность беседы, прямое общение личностей. Важная его грань — передача нравственного опыта, соотнесение его с важнейшими реалиями современной жизни. Это — мужество, свобода, корректная критичность в отношении к современной культуре, политике, образу жизни, интерес к передовым тенденциям развития научного знания. Русский просветитель несет умение актуализировать важную идею, используя широкий пласт исторического материала, опираясь на богатейший опыт предшественников.

Именно таким просветителем и был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он обладал глубоким знанием русской литературы и русской культуры в целом, что позволяло ему выявлять национально значимые идеи и традиции, ценности и представления, сопоставлять и анализировать их. Такой опыт формировал "исторически поставленное" зрение, открывал возможность увидеть и выявить наиболее продуктивные и прогрессивные идеи для нашей современности и найти им актуальную форму.

Историк А.Зимин пишет, что "в своей культурно-цивилизационной истории *русский мир освоил опыт по крайней мере двух типов просвещения*. Первый из них, следуя традиции, можно и должно назвать *религиозным*. Второй — *светским*, научно-философским. Оба типа, как правило, сопутствовали, обогащая друг друга, но были в отечественной истории и периоды, когда светское просвещение практически *растворялось в... секуляризации*" [9, с. 86].

Примеры Сергия Радонежского и Антония Сурожского показывают, что просветительская деятельность на Руси нередко обретала проповеднический характер. *Проповедь — прямое обращение к сердцу слушателей, несущее в себе веру*, стремление не столько обогатить их новыми знаниями и фактами, сколько передать им определенные идеи, настроения, внушить убеждения, способные стать их нравственной "собственностью", направлять душевные устремления к Добру. Проповедь — это откровение авторитетной личности, порожденное стремлением указать собеседнику путь личного совершенствования и обретения верной жизненной позиции в сложных обстоятельствах. Проповедническая деятельность — это творчество, целью которого является более гармоничное устройство внутренней жизни слушателя, обретение им подлинной связи с обществом, поддержка человека в его наиболее возвышенных устремлениях.

В советский период по мере формализации культурной жизни общества эта традиция была во многом утеряна. Лихачев вернул русскому просветительству эмоциональность и убедительность проповеди, доверие к Слову, основательно подорванное в предшествующие десятилетия бюрократившимися идеологическими структурами, официозной газетно-журнальной пропагандой, зачитывающими свои выступления по бумажке "вождями" и "лекторами" разного уровня. Д.С.Лихачев вернул просветительству реальную силу, воздействующую на умы и души сограждан. В Итоге мировую славу и известность Дмитрия Сергеевича составили не только научная деятельность и защита памятников истории и культуры, но и "этическая проповедь в средствах массовой информации, принесшая ему доверие, популярность и авторитет" [10, с. 324].

С одной стороны, авторитет Дмитрия Сергеевича в обществе основывался на общеизвестном статусе ученого и интуитивно ощущаемой народом его принадлежности к великой российской культуре. Он выступал как бы от имени Культуры и Знания. Академик воплощал собой европейскую линию национального просветительства, органично вбирающую в себя антропоцентричность, энциклопедичность, интеллектуальную независимость. С другой стороны, лихачевские тексты и выступления стали воплощением Веры, оказались неразрывно связаны с духовно-творческой традицией русского просветительства, которая по сути, а нередко и по форме была проповеднической деятельностью. Таким образом, в просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича знание не только сочеталось с четким этическим и нравственным самоопределением, но и усиливалось убежденностью, верой в исповедуемые ценности и идеалы.

В связи с этим нельзя не упомянуть интересный и до сих пор не объяснимый

эпизод из биографии Д.С.Лихачева. К его 90-летию один из бывших сослуживцев, к тому же считавший себя чуть ли не его учеником, Д.М.Буланин опубликовал статью, в которой назвал академика наставником, учителем жизни, проповедником [11, с. 20]. Автор этого текста считал свой труд комплиментарным. Лихачев же возразил Буланину, причем весьма жестко. Оказалось, что сам Дмитрий Сергеевич категорически против такого понимания его деятельности: "Все мои статьи имеют не "проповедническую" цель, а являются определенными *поступками* в борьбе за сохранение культуры" [12].

Еще ранее Д.С.Лихачев писал: "Я ведь не пророк и не проповедник, хотя убеждать и призывать в последние годы приходится часто" [13, с. 143]. Таким образом, возражения Д.М.Буланину заключались в противопоставлении проповеди и действия, поступка. Однако из работ Дмитрия Сергеевича вытекало, что в ряде случаев слово тоже может являться делом, поступком. И если Д.М.Буланин высказывался о проповеди как о бесполезном деле ("Я не собираюсь обсуждать относительные достоинства нравственного учения Лихачева, и тем более эффективность его проповеди. Последнее — вообще бесполезное дело: удивительное нежелание человечества перевоспитываться не остановило еще ни одного проповедника" [11, с. 21]), то это вызывает лишь удивление, тем более что откровенно иронизирующий в данных строках Буланин противоречил своим же тезисам из другой части этой работы.

Видимо, негативную реакцию академика вызвал не столько текст Д.М.Буланина (хотя и текст этот при внимательном прочтении выглядит, возможно, недопустимо неуважительным), сколько подтекст либо контекст дискуссии, лежащий, разумеется, вне статьи. Между тем понятие "проповедник" никогда не несло в русском языке сколь-нибудь негативного оттенка и не вступает по смыслу в проти-

воречие с широко известными проявлениями духовных и практических устремлений Д.С.Лихачева, глубинной сутью его обращений к обществу. "Проповедовать — говорить всенародно, возвещать, провозглашать; поучать, взывать к слушателям речью, убеждая и наставляя", — так зафиксировано в словаре Владимира Даля. Проповедь, издавна понимаемая как жанр церковного ораторского искусства, часто трактуется сегодня вполне в светском духе, как этическая устремленность, как духовное поучение, как экзистенциальная категория.

В проповеди принято выделять несколько аспектов. Во-первых, глоссолалию — т.е. способность знать и говорить то, что неведомо другим; во-вторых, пророческий аспект — т.е. пророчество, предсказание о будущем; и, в-третьих, аспект дидактический, связанный с духовным поучением [14, с. 435]. Дмитрий Сергеевич, безусловно, был в ряду отношений уникальным носителем знания. В первую очередь — знания о России, ее истории и культуре. Кроме того, просветительство Лихачева сближается с проповедничеством и своим стремлением к наставлению современников в русле приобщения к миру исторических традиций и гуманистических идеалов. Ведь смысл проповеди — прежде всего в утверждении нравственного начала в человеке.

Особенность лихачевского просветительства заключается в том, что для него нравственная составляющая является, во-первых, одним из ключевых аспектов анализа истории русской культуры, литературы, искусства, во-вторых, выступает как императив общественно-просветительных устремлений. И в этом аспекте его просветительство приобретает характер проповедничества, утверждения в форме проповеди гуманистических ценностей культуры.

"Благодаря нравственному началу, которое заключено в древней русской литературе, — пишет академик, — ее значение

чрезвычайно велико именно сейчас. Любовь к родине, патриотизм также воспитывается на этом "укорочении расстояний", на представлениях о конкретных живых людях, конкретном родном пейзаже, близком ощущении прошлого как своего прошлого, своей старины" [15, с. 190].

По мнению Дмитрия Сергеевича, "ценности русской литературы своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи ее с нравственными ценностями. Русская литература — совесть русского народа. Она носит при этом открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Она теснейшим образом связана с жизнью, действительностью, сознанием ценности человека самого по себе, русская литература (проза, поэзия, драматургия) это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность" [16, с. 205]. Предназначение литературы выражается в способности быть внутренне-созидательным началом создания духовного мира человека, — началом, к которому "мы всегда можем обратиться за духовной помощью" [там же].

Свои нравственно-просветительские идеи Дмитрий Сергеевич реализовывал на практике, в первую очередь, в соответствующих возглавляемых им издательских проектах. В 1969 г. в книжной серии "Библиотека всемирной литературы" вышел том, посвященный древнерусской литературе, — "Изборник" [17]. Оригинальность этого издания заключалась в том, что в нем "впервые было предложено издавать тексты билингвой, когда на левых нечетных страницах издания вычитали оригинальный древнерусский текст, а на правых — его перевод на современный русский язык. Это была первая ласточка, которая определила судьбу последующих изданий" [18, с. 20]. Это лишь один из примеров постоянного стремления Лихачева сделать памятники

культуры, результаты научных исследований максимально доступными широкой аудитории.

Популяризацию же древнерусского литературного и культурного наследия он считал делом своей личной, персональной ответственности. В одном только 1986 г. вышло 8 различных изданий "Слова...", подготовленных при участии (перевод, редактирование, вступительные статьи) Дмитрия Сергеевича, и несколько статей самого Лихачева об этом выдающемся произведении древности. Великая заслуга академика перед Россией заключается не только в том, что он поднял на следующую ступень развития академическую научную школу медиевистики, но и в предании древнерусскому литературному наследию новой жизни в сознании современных ему поколений соотечественников. Во многом благодаря Лихачеву страна переосмыслила, иначе осознала ценность и величие своих древних культурных корней. Его переводы и комментарии к произведениям древнерусской литературы ("Повести временных лет", "Слову о полку Игореве", "Поучению Владимира Мономаха" и многим другим) приблизили к нам далекий мир древности, ввели читателя в пространство чувствований и переживаний средневекового русича.

В конце 1970-х гг. Дмитрий Сергеевич предложил издавать книжную серию "Памятники литературы Древней Руси". Всего было задумано 12 томов, и последний из них вышел в 1994 г. Эта серия была удостоена Государственной премии. А Лихачев предложил уже 20-томный проект "Библиотеки литературы Древней Руси", который, по словам Н.В.Поньрко, мыслился как книжная серия для всех россиян. "Это издание рассчитано и на людей, не связанных с наукой, именно для них и существует перевод на современный русский язык. <...> Дмитрий Сергеевич надеялся, что эта серия будет еще и обучать читателя, который не в состоянии обой-

тись без правой страницы с переводом. Читатель, в котором еще существует генетическое ощущение языка, при подсказке этих правых страниц очень легко начинает понимать древнерусскую речь, сопоставляя тексты, оригинал и его перевод. И эта подсказка воспитывает ощущение человека в истории и возможность восприятия этих произведений совершенно на другом уровне" [18, с. 20].

Представляется немаловажным обратиться к пониманию Лихачевым особенностей развития национальных образовательно-просветительных традиций в России. Размышляя над проблемами развития страны, ученый отмечает, что при несомненном подъеме искусства, архитектуры, фольклора, Русь до XIX в. явно отставала от западных стран в сфере науки и философии "в западном смысле этого слова". Причину тому ученый видит в слишком долгом "отсутствии на Руси университетов и вообще высшего школьного образования" [16, с. 206]. Отсюда, по Лихачеву, — и "многие отрицательные явления в русской жизни... Созданный в XIX и XX веках университетски образованный слой общества оказался слишком тонким. К тому же этот университетски образованный слой не сумел возбудить к себе необходимого уважения. Пронизавшее русское общество народничество, преклонение перед народом, способствовало падению авторитета. Народ, принадлежавший к иному типу культуры, увидел в университетской интеллигенции что-то ложное, нечто себе чужое и даже враждебное" [там же, с. 206–207].

Ученый раскрывает здесь важный в просветительском контексте аспект — противоречие между наукой как формой отвлеченного знания, как видом деятельности, требующей образованности, критичности, независимости, в конечном счете, индивидуальности — и живым обыденным знанием, бытующим в народных массах. Трудности демократизации науки, распространения знаний в обществе му-

чительно переживались классической русской интеллигенцией рубежа XIX–XX вв. Заботясь о просвещении масс, интеллигенция стремилась распространять научные знания в обществе таким образом, чтобы ясность и доступность изложения приводили к глубине и точности постижения, но результаты не всегда обнадеживали.

Сам Д.С.Лихачев способ снятия этого противоречия видел в *синтезе научных и просветительных начал*, когда знание выступает одновременно и как результат научных исканий Истины, и как потребность донести ее до массового сознания. Характерно, что его "Текстология" была издана в начале 1960-х гг. в двух вариантах — как фундаментальная монография для специалистов и в качестве научно-популярного очерка [19]. Другой фундаментальный научный труд Д.С.Лихачева "Поэтика древнерусской литературы", опубликованный в 1967 г. [20], "стали читать все интеллигентные люди нашего времени". Н.В.Понырко отмечает, что это "был своего рода интеллектуальный бестселлер. Ее цитировали, потому что этот академический труд был написан прекрасным языком и с точки зрения человека, глядящего из современности в прошлое" [18, с. 20].

Манера письма, стиль в немалой степени способствовали популяризации идей Дмитрия Сергеевича. Об этом хорошо пишет А.А.Гусейнов в комментариях к избранным трудам Д.С.Лихачева по русской и мировой культуре: "ясность языка, еще больше свободная, эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет обязательную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи, в результате

чего последняя предстает не в голом виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. И все-таки особая привлекательность и злободневность текстов заключена не в их эстетическом строе, не в стиле и манере, а в содержании идей. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека, интересующегося русской культурой. И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее" [21, с. 28–29].

Характерно, что труды Д.С.Лихачева, посвященные русскому языку, включают не только лингвистический, но и просветительский аспект. Известна активность академика, с которой он страстно выступал в защиту чистоты русского языка, разъясняя своим читателям языковые нормы, объясняя происхождение слов и их первоначальные значения, помогая понять важность правильной речи и литературного письма. Язык, по Лихачеву, это "самая большая ценность народа... Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта" [22, с. 355]. Тысячелетняя история литературы и письменности превращает языковую память в мощную нравственную и просветительскую силу. Однако выразительный потенциал языка может обедняться, язык — упрощаться и даже сознательно искажаться. И тогда на первый план выходит необходимость повышения языковой культуры.

В работе "О языке устном и письменном, старом и новом" Дмитрий Сергеевич формулирует требования к научному тексту, озаглавленные им "О хорошем языке научной работы". Позволим себе привести некоторые из них:

— Хороший язык научной работы не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена.

— Главное достоинство научного языка — ясность. Другое достоинство научного языка — легкость, краткость, свобода переходов от предложения к предложению, простота.

— Придаточных предложений должно быть мало. Фразы должны быть короткие, переход от одной фразы к другой логическим и естественным, "незамечаемым".

— Каждую написанную фразу следует проверять на слух; надо прочитывать написанное вслух для себя.

— Следует поменьше употреблять местоимения, заставляющие думать — к чему они относятся, что они "заменили".

— Не следует бояться повторений, механически от них избавляться. То или иное понятие должно называться одним словом (слово в научном языке всегда термин). Избегайте только тех повторений, которые приходят от бедности языка [22, с. 357].

В проблематике языковой культуры Дмитрия Сергеевича особо волновало явление, названное им "психологией сознательной порчи языка". В 1964 г. увидела свет его статья "Арготические слова профессиональной речи", написанная еще в 1938 г. [23, с. 95–138]. В ней ученый объясняет появление экспрессивных выражений в языке тех или иных профессий. Длительная пауза между написанием работы и ее публикацией огорчала Лихачева в первую очередь тем, что положения статьи "не используются практически в воспитательной работе. На нее как-то не обратили внимания, а я сам придаю ей серьезное значение" [22, с. 367].

Приведем интересный эпизод из жизни Пушкинского Дома. О.В.Панченко вспоминал, что когда он впервые вошел в Отдел древнерусской литературы в 1988 г., то на доске объявлений увидел лихачевский список запрещаемых для употребления в "Трудах Отдела древнерусской литературы" слов и выражений. В качестве таковых значились: "абсолют-

но", "уникально", "впечатляющий", "волнительно", "сказать ниже", "информация" и др. Сотрудникам предлагалось список дополнять. Среди слов, добавленных в "Список Лихачева" его коллегами, оказались: "судьбоносный", "потрясающий", "практически невозможно", "обговорить", "задумка", "морально-нравственный" и др. Рядом с этим приказом висело еще одно "распоряжение", в котором Дмитрий Сергеевич в шутливо-назидательном тоне рекомендовал своим сотрудникам посетить выставку Казимира Малевича в Русском музее [24, с. 237–239].

В ряде случаев просветительская миссия Лихачева реализовывалась в ходе конфликта с властями, когда ученый боролся с губительными для культуры невежественными решениями. Оппонируя авторам проекта "реконструкции" Екатерининского парка, Лихачев писал, что этот проект "губителен и беспомощен даже с чисто архитектурной точки зрения... Нельзя и бессмысленно возвращать парк к одному какому-либо периоду: петровскому, елизаветинскому, екатерининскому..." Ибо, в итоге утрачивается то, что Лихачев называл "мемориальной достоверностью" [25, с. 649]. Д.А.Гранин вспоминает: "В 60-е годы возникла идея перестройки Невского проспекта... Перестройка была намечена основательная. Нижние этажи всех домов предлагалось соединить в одну общую витрину, создать особое пространство, сделать его пешеходной зоной... Дмитрий Сергеевич выступил с речью. Это была блестящая речь. Он доказал, что перестройка Невского губительна для всей культуры. <...> Так начались его выступления – в защиту Екатерининского парка в Пушкине, Петергофского парка. С тех пор он стал препятствием для ленинградских властей, для всех невежественных, корыстных проектов. Вокруг него объединялась общественность" [24, с. 215].

Добиваться успеха удавалось не всегда. Д.С.Лихачев рассказывал об ущербе, нанесенном Невскому проспекту: "Портик

Руска очень важен именно на этом месте, потому что он прямой перспективой связан с портиком Русского музея, в этом и был градостроительный замысел Руска. <...> Через некоторое время портик Руска был разрушен (под предлогом строительства станции метро. – А.З., А.К.), а на все последующие недоумения главный архитектор отвечал: "А мы его и не разрушали. Мы его разобрали, мы его и восстановим". И действительно – восстановили... Внешне он как будто бы такой же, а все-таки колонны – не те. Кроме того, портик отнесен на несколько метров назад, и это уже меняет перспективу: исчезло противостояние Русскому музею. Вторжение в сложившийся архитектурный ансамбль нанесло ущерб Невскому проспекту. <...> Вроде бы горький опыт должен был бы научить нас бережно относиться к культуре прошлого, к природе – беречь малый мир и большой мир, в которых мы живем и которые теснейшим образом взаимосвязаны. И вроде бы он чему-то научил нас... Но – научил ли?" [26, с. 130–131]. Власть училась плохо, а вот интеллигенция спланивалась вокруг Дмитрия Сергеевича.

Практическая направленность просветительской деятельности была характерна для Д.С.Лихачева с первых шагов в науке. В далекие 1940-е гг., в блокадное время, преодолевая невероятные лишения, ученый усердно занимается научной работой. Осенью 1942 г. вышла книга, написанная им в соавторстве с археологом М.А.Тихановой для солдат, находящихся в окопах. Лихачев вспоминал: "Мы отправились в Смольный. ...В Смольном густо пахло столовой. Люди имели сытый вид. Нас приняла женщина. Она была полной, здоровой. А у меня дрожали ноги от подъема по лестнице. Книгу она заказывала нам с каким-то феноменально быстрым сроком... Мы согласились. И в мае (1942 г. – А.З., А.К.) наша книжка "Оборона древнерусских городов" была готова... Писалось, помню, хорошо – дис-

трофия на работе мозга не сказывалась" [27, с. 504].

Большое просветительское значение имели публичные выступления Д.С.Лихачева в прессе, на радио и телевидении. Они по-своему дополняли такие его печатные труды, как "Письма о добром", "Заметки о русском" и другие, направленные, прежде всего, на восстановление культурной преемственности поколений, во многом прерванной в 1917 г. Лихачеву приходилось обращаться практически ко всем: и к юношеству, впервые обдумывающему проблемы вечных ценностей и истин, и к умудренным опытом людям, анализирующим прожитое. Многим из его слушателей передавались представления о богатстве и красоте русской духовности через краткие рассказы-собеседования о сюжетах, образах, памятниках отечественной истории, о запомнившихся эпизодах и событиях личной жизни Дмитрия Сергеевича.

Даниил Гранин вспоминает: "Благодаря телевидению Лихачев стал широко известен. Он вводил нас в мир высокой русской культуры и полузабытых ценностей жизни. Это была душевная среда, пронизанная деликатностью, учтивостью, которые стали неотъемлемым правилом его собственного поведения" [28, с. 335]. Этим во многом объяснялись личная популярность и общественная востребованность академика, особенно – в "смутное" время на рубеже 1980–1990-х гг.

Просветительские устремления Лихачева неотделимы от его размышлений о смысле и предназначении русской интеллигенции. *Образ интеллигента*, воссоздаваемый Дмитрием Сергеевичем в его трудах и устных выступлениях, был его личным идеалом просветителя.

Безусловно, академика правомерно считать продолжателем традиции отечественного просветительства, которое всегда сопровождалось мучительными духовными поисками и было согрето теплом живой человечности. Знание в этой тра-

диции подвергалось нравственной оценке и рассматривалось в контексте Добра и Зла: не просто Разум, а добрый Разум, не просто знание и осведомленность, а знание ради добра, знание, несущее в себе ценностную компоненту. Закономерно, что одна из его главных книг называется "Письма о добром".

Эта сторона деятельности ученого была осмыслена профессором СПбГУП А.В.Соколовым в недавней монографии "Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории". На основании обращения к научному и публицистическому наследию академика Аркадий Васильевич предлагает включить в компоненты модели идеального русского интеллигента ("по эскизу академика Лихачева") этическое самоопределение: а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотичной власти [10, с. 332]. Этическое самоопределение, духовно-нравственная составляющая определяет не только смысл и направленность лихачевского просветительства, но и шире – его научную методологию, суть философско-культурологических воззрений, в которых нравственная доминанта занимает ключевое место.

Среди просветительских задач, которые ставил перед собой Дмитрий Сергеевич, необходимо упомянуть и утверждение в общественном сознании принципа *толерантности* – терпимости по отношению к иной культуре. "Сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войны", – писал он в "Декларации прав культуры" [29, с. 392].

Петербургская тема была одной из главных в просветительской деятельности

Д.С.Лихачева. Он заново открывал Петербург современникам, обращая внимание не только на внешнюю красоту, но и на "душу" этого города [30, с. 182].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Я вспоминаю... М., 1991; *Его же. Русское искусство от древности до авангарда*. М., 1992; *Его же. Письма о добром*. СПб., 1999; и др.
2. Шмидт С.О. Д.С.Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д.С.Лихачева: Материалы научной сессии отделения историко-филологических наук РАН, 20 декабря 2006 г. / отв. ред. А.П.Деревянко. М., 2006.
3. Бирженюк Г.М. Д.С.Лихачев как просветитель // Мир гуманитарной культуры академика Д.С.Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения, 23—24 мая 2002 г. СПб., 2002.
4. Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа.
5. Строев А. "Те, кто поправляет Фортуну": авантюристы Просвещения. М., 1998.
6. Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // *Избранные труды по русской и мировой культуре*. СПб., 2006.
7. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
8. Епископ Керченский Иларион (Алфеев). Богословие митрополита Сурожского Антония в свете святоотеческого Предания // <http://www.metropolit-anthony.orc.ru/biograf.htm>
9. Зимин А. О двух типах просвещения на Руси // *Высшее образование в России*. 1997. № 2.
10. Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007.
11. Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб., 2005.
12. По поводу статьи Д.М.Буланина о Д.С.Лихачеве ("Русская литература". 1997. № 1) // *Звезда*. 1998. № 3. С. 237; Лихачев Д.С. Проповедь или поступок? Ответ на юбилейное

- послание Д.М.Буланина // *Русская литература*. 1998. № 2. С. 212—213.
13. Лихачев Д.С. Я вспоминаю. М., 1991.
  14. Энциклопедия литературных понятий и терминов. М., 2004.
  15. Лихачев Д.С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // *Избранные труды по русской и мировой культуре*. СПб., 2006.
  16. Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // *Избранные труды по русской и мировой культуре*. СПб., 2006.
  17. Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. Библиотека всемирной литературы. Сер. Первая. Т. 15. М., 1969.
  18. Поньрко Н.В. Д.С.Лихачев — научный вдохновитель и издатель книжной серии "Библиотека литературы Древней Руси" // Образование в процессе гуманизации современного мира: IV Международные Лихачевские научные чтения, 20—21 мая 2004 года. СПб., 2004.
  19. Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X—XVII веков. М.; Л., 1962; Текстология: краткий очерк. М.; Л., 1964.
  20. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
  21. Гусейнов А.А., Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева: комментарии к книге Д.С.Лихачева "Избранные труды по русской и мировой культуре". СПб., 2006.
  22. Лихачев Д.С. О языке устном и письменном, старом и новом // *Русская культура*. М., 2000.
  23. Лихачев Д.С. Статьи разных лет. Тверь, 1993.
  24. Дмитрий Лихачев и его эпоха. СПб., 2006.
  25. Лихачев Д.С. "Аллеи древних лип..." // *Раздумья о России*. СПб., 2001.
  26. Лихачев Д.С. Тревоги совести // Я вспоминаю. М., 1991.
  27. Лихачев Д.С. Избранное: Воспоминания. 2-е изд. СПб., 2000.
  28. Гранин Д.А. Один из последних // Тайный знак Петербурга. СПб., 2002.
  29. Лихачев Д.С. Декларация прав культуры // *Избранные труды по русской и мировой культуре*.
  30. Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.